

Г. Г. ЛИТАВРИН

Ο ΠΑΠΠΟΣ ΤΟΥ ΚΕΚΑΥΜΕΝΟΥ — Ο ΕΧΘΡΟΣ ΤΗΣ ΡΩΜΑΝΙΑΣ
(Реплика)

П. Лемерль в своих «Пролегоменах» к новому изданию «Стратегикона» Кекавмена высказал пожелание, чтобы в исследовании армянских сюжетов этого сочинения приняли участие специалисты-арменоведы¹. В известной степени это пожелание выполнено. В 1965 г. два советских армениста, которые являются в то же время византинистами, выступили в печати и с докладами по трудному вопросу о генеалогии Кекавменов.

В ноябре 1965 г. К. Н. Юзбашян сделал в Ленинграде доклад на тему: «Греческая надпись патрикия Григория „ΚΗΧΚΑΤΖΙ“ и проблема авторства „Стратегикона“»^{1а}.

В декабре, на VII Всесоюзной конференции византинистов в Тбилиси, с докладом «К вопросу о катепане Востока магистре Багарате и генеалогии Кекавменов» выступил ереванский арменовед Р. М. Бартикян². В докладе он изложил идеи своей статьи, которая была сдана в печать еще в начале 1965 г. и вышла в свет в самом его конце³.

Главное внимание оба армениста уделили так называемой Эгрекской надписи. Довольно подробно об этой надписи сказано в опубликованной работе Р. М. Бартикяна, поэтому повторим здесь лишь самую суть: в рукописной копии ныне утраченной Эгрекской надписи трижды вместо β стоит κ (путаница, палеографически легко объяснимая при чтении текста человеком, не знающим греческого языка). Буква β в надписи отсутствует вовсе. В ней сказано, что церковь Богородицы построена при императорах Василии (II) и Константине (VIII) патрикием Григорием — стратигом Лариссы и Македонии, сыном патрикия Смбага Кихкатци Ивира (οἰοῦ Ἐρικῆ πατρικίου τοῦ Κηχκατζι τοῦ Ἰβηρος), и его детьми в 6515 г.⁴

Эта надпись была известна уже В. Г. Васильевскому, который первым предположил, что Григорий Кихкатци мог состоять в родстве с Кекавменами⁵. П. Лемерль считает, что Григорий приходился, по всей вероятно-

¹ P. L e m e r l e. *Prolegomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos.* Bruxelles, 1960, p. 34.

^{1а} Доклад ныне издан. См. сб. в честь Н. В. Пигулевской: «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 113—120.

² Седьмая Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси. Тезисы докладов. Тбилиси, 1965, стр. 3—4.

³ Н. В a r t i k i a n. *La généalogie du magistros Bagarat, catépan de l'orient, et des Kékauménos.* — «Revue des Études arméniennes». N. S., t. II. Paris, 1965, p. 261—272.

⁴ Мы пересказываем содержание надписи в соответствии с исправленным изданием П. Лемерля (P. L e m e r l e. *Prolegomènes...*, p. 32).

⁵ В. Г. В а с и л ь е в с к и й. *Советы и рассказы византийского боярина XI в.* — ЖМНП, ч. 216, июль 1881 г. стр. 116.

сти, дедом Кекавмену-автору. Дед же Кекавмена был стратигом Лариссы с 976 по 983 г. До этого, по-видимому, в правление Цимисхия, он находился еще на востоке. Исполняя должность стратига Лариссы, Кекавмен-дед в то же или в другое время был назначен правителем Македонии. В начале XI в., когда Василий II присоединил к империи область Тайк, где и находился Эгрек, дед Кекавмена был снова переведен на восток как правитель всей области или ее части. На склоне лет он построил церковь с ктиторской надписью, в которой повелел указать свой самый высокий пост на службе у императора ⁶.

Такова точка зрения П. Лемерля. Исходя из нее, французский ученый даже составил генеалогическую таблицу рода Кекавменов. Мы хотели бы, однако, обратить здесь особое внимание на одну существенную оговорку в системе аргументации П. Лемерля. Он назвал сначала свой вывод об идентичности Григория Кихкатци и Кекавмена-деда гипотезой. Однако эта гипотеза, по его мнению, превращается в уверенность, если обратиться к филологическому толкованию патронима Григория — «Кихкатци». П. Лемерль ссылается на авторитет арменолога Г. Гаритта, считающего возможным, что «*κηχάτζι*» есть греческая транскрипция среднеармянского причастия *kizaci* от глагола *kizem*, которое может быть переведено как «*brulé*» — «обожженный», т. е. *hexaúrēnos* ⁷. Действительно, если бы такое толкование оправдалось, мы имели бы решающий аргумент в пользу идентификации упомянутых лиц. Итак, повторяем еще раз, лишь в этом случае, по признанию самого П. Лемерля, его гипотеза превращается в уверенность.

Но такой уверенности у П. Лемерля нет. Учитывая незнание копиистом греческого языка и его упорную тенденцию не замечать β , осторожный ученый ставит вопрос, не следует ли и в патрониме Григория (*Κηχάτζι*) исправить одну из κ на β , и предоставляет специалистам-арменоведам решить этот вопрос ⁸.

Его как раз и решили названные выше советские арменисты. Оба они пришли к одинаковому выводу, что патроним Смбата следует читать не *Κηχάτζι* (*Κηχάτζι* или *Κησάτζι*), как принималось до сих пор, а *Βηχάτζι* («Вихкатци»), что означает по-армянски «человек из Вихика», «вихкйец». В самом деле, в Тортумском округе, т. е. там же, где находится Эгрек, еще в середине XIX в. было поселение Вихик ⁹.

Кроме того, эпитет «Вихкатци» прилагается на одной из надписей кафедрального собора в Ани к Багарату, правившему Васпураканом до 1059 г. и занимавшему с 1060 по 1064 г. пост византийского наместника Ани — катепана Востока. Р. М. Бартикян и К. Н. Юзбашян делают отсюда естественное заключение о том, что Смбат и Григорий Вихкатци и катепан Багарат принадлежали к одной семье. Следуя за П. Лемерлем (но забывая о его оговорке, которую мы привели выше), они уверенно и отнюдь не гипотетически говорят о близком родстве семьи Вихкатци с Кекавменами и об идентичности Григория Вихкатци с Кекавменом — дедом автора «Стратегикона». К. Н. Юзбашян идет еще дальше, полагая, что магистр Багарат — катепан Ани как раз и был самим автором этого сочинения ¹⁰.

Мы считаем, что оба советских армениста решили загадку Эгрекской надписи: фамильная принадлежность ктиторов церкви в Эгреке, наконец, установлена. Но что касается их тождества с Кекавменами, то, по нашему

⁶ P. Lemerle. Op. cit., p. 32—34.

⁷ Ibid., p. 35—36.

⁸ Ibid., p. 34, n. 2.

⁹ Р. М. Бартикян. К вопросу о катепане..., стр. 4; Н. Варткиан. La généalogie..., p. 261—267.

¹⁰ К. Н. Юзбашян. Греческая надпись..., стр. 119.

мнению, благодаря собственным усилиям Р. М. Бартияна и К. Н. Юзбашяна рухнул основной аргумент французского ученого в пользу такой идентификации (армянское «Вихкатци» не поддается этимологическому сопоставлению с греческим «Κεκαυμένος»).

Остаются следующие доводы: и Григорий Вихкатци и Кекавмен-дед были армянами и какое-то время жили в самой Армении, оба занимали должность стратига Лариссы¹¹. Однако все это происходило на протяжении примерно 30 лет (от царствования Цимисхия до 1007 г.). За указанный срок могло смениться не менее десяти стратигов Лариссы. Число же знатных (и незнатных) армян, несших в это время службу империи как в ее армянских районах, так и в других провинциях, как известно, не ограничивалось несколькими семьями.

Мы считаем, что указанные доводы в пользу уверенной идентификации Григория Вихкатци с Кекавменом-дедом недостаточно. Гипотеза П. Лемерля о тождестве этих лиц остается возможной, но отнюдь не доказанной, как, впрочем, и связанная с первой вторая гипотеза (К. Н. Юзбашяна) об идентичности автора «Стратегикона» с магистром Багаратом¹².

В этом состоит наше первое замечание к выводам Р. М. Бартияна и К. Н. Юзбашяна. Второе замечание касается лишь статьи и доклада Р. М. Бартияна. Речь идет о понимании § 73 «Стратегикона», того самого параграфа, в котором сообщаются некоторые биографические сведения о Кекавмене-деде автора. Р. М. Бартиян предложил две конъектуры к тексту данного отрывка. Но прежде чем говорить о них, мы вынуждены пересказать здесь для понимания последующего содержание упомянутого параграфа сочинения Кекавмена. (Текст подлинника мы приводим при этом лишь в тех местах, которые подверглись поправкам Р. М. Бартияна.)

В § 73 рассказывается: в Великой Армении на высокой обрывистой горе есть неприступная крепость. К ее воротам ведет единственная тропинка. «Топарх Тивия, мой дед» (ὁ τοῦ Τιβίου τοπάρχης καὶ πάππος μου), — говорит Кекавмен, захотел овладеть крепостью. Он прибег к хитрости. С помощью даров топарх стал другом стратига крепости и заверил его, что готов оказать ему любую помощь, если тот в ней будет нуждаться. У стратига вскоре истощились запасы хлеба, и он попросил топарха помочь ему. Тот с готовностью согласился. Он отправил в крепость тысячу груженых ослов, каждую пару которых сопровождал один погонщик. Стратиг в ожидании хлеба рассуждал так: «Если моя крепость будет снабжена хлебом самим врагом Романии, то чего я заслуживаю?» (παρ'αὐτοῦ τοῦ εὐδρόου τῆς Ῥωμανίας ἐὰν σιταρχοῦδῃ τὸ κάστρον μου, τίνας ἀξίως εἶμι;). Стратиг открыл ворота перед прибывшим караваном. Погонщики вслед за животными вошли в ворота, выхватили спрятанные мечи, перебили стражу и овладели крепостью. Так дружба стала причиной несчастья. «Если бы стратиг не поверил мнимым его друзьям и приказал сгрузить хлеб за воротами, то он получил бы его как добычу, хитрость их окончилась бы ничем, и стратиг не имел бы забот»¹³.

¹¹ Р. М. Бартиян пишет, что оба стратига Лариссы назывались к тому же Григориями (H. B a r t i k i a n. La géologie..., 263). Но это ошибка — Кекавмен-автор нигде не называет имени своего деда.

¹² Помимо общих соображений, единственным в сущности конкретным доводом в пользу этой оригинальной гипотезы К. Н. Юзбашяна является ссылка на следующее обстоятельство: Кекавмен-автор советует держать в городе на случай осады запасы продовольствия и оружия (C e s a u s..., 100.8—13). Известно, что как раз Багарат был виновен в плохом обеспечении Ани всем этим перед нападением сельджуков, и город пал. К. Н. Юзбашян полагает, что Кекавмен-Багарат имеет здесь в виду собственный горький опыт. Но совет подобного рода — тривиальная стратегема, и довод К. Н. Юзбашяна нам не представляется достаточно веским.

¹³ C e s a u s e n i Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus, ed. V. Wassiliewsky, V. Jernstedt. «Записки ист.-филол. фак-та СПб-ского ун-та», ч. 38: СПб., 1896, p. 26.10—27.9.

Казалось бы, текст довольно ясен. Единственным преувеличением представляется число погонщиков. Цифра 500, пожалуй, слишком велика, либо же стратег был лишен всякого здравого смысла. Все остальное как будто вполне правдоподобно. Тем не менее этот рассказ поставил втупик такого мастера источниковедческого анализа, каким был В. Г. Васильевский. В заблуждение почтенного византиниста ввели два обстоятельства. Первое: он счел $\Gamma\iota\beta\iota\omicron\nu$ равнозначным армянскому городу Двину. Но Двин в это время (последняя четверть X в.) находился в руках арабов. Поэтому В. Г. Васильевский усматривал в словах $\delta\ \tau\omicron\upsilon\ \Gamma\iota\beta\iota\omicron\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \rho\omicron\tau\alpha\rho\chi\eta\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \pi\acute{\alpha}\tau\tau\omicron\varsigma\ \mu\omicron\upsilon$ указание на два лица: топарх Двина — арабский эмир, а «мой дед» — его союзник. Он предложил также $\tau\eta\varsigma\ \text{Ρ}\omicron\mu\alpha\upsilon\iota\alpha\varsigma$ заменить на $\tau\eta\varsigma\ \text{Ἀ}\rho\mu\epsilon\nu\iota\alpha\varsigma$, склоняясь к мысли, что крепость, которой хотят овладеть, была во власти армянина из Васпуракана, правители которого находились под влиянием Византии и поэтому были враждебны арабскому топарху и его союзнику. Второе: исходя, по-видимому, из заголовка § 73 ($\mu\epsilon\rho\iota\ \kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\upsilon\ \kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\eta\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \Gamma\iota\beta\iota\nu\iota\omicron\nu$), В. Г. Васильевский допускал, что крепость и была самим Двином, которым овладел, отобрав его у византийцев, дед Кекамена¹⁴. Ни здесь, однако, ни в предисловии к своему изданию Кекамена В. Г. Васильевский не усомнился в том, что дед Кекамена в рассказанном эпизоде действовал как «враг Романии»¹⁵.

Необоснованность гипотез В. Г. Васильевского, связанных к тому же с насилием над текстом ($\delta\ \tau\omicron\upsilon\ \Gamma\iota\beta\iota\omicron\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \rho\omicron\tau\alpha\rho\chi\eta\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \pi\acute{\alpha}\tau\tau\omicron\varsigma\ \mu\omicron\upsilon$ — конечно, одно лицо), определяется, как показал П. Лемерль, во-первых, тем, что границы империи лежали в это время далеко на запад от Двина. По смыслу же отрывка крепость и область, подвластная топарху, находятся в непосредственном соседстве. Во-вторых, представляется мало вероятным, чтобы арабы оставили Двин, служивший им второй столицей, под управлением армянского архонта. Лемерль предлагает поэтому поискать западнее, близ византийских границ X в., другую местность, название которой соответствовало бы $\text{Τ}\omicron\beta\iota\omicron\nu$ и $\text{Τ}\iota\beta\iota\nu\iota\omicron\nu$ рукописи¹⁶ или $\text{Τ}\iota\beta\iota\omicron\nu$ издателей¹⁷. Что же касается допущения, что в крепости до ее захвата дедом Кекамена (или арабским эмиром) находился не-византийский «стратиг», П. Лемерль резонно задает вопрос, почему же тогда его враги — «враги Романии»¹⁸. И у этого ученого не возникло сомнений на счет того, что дед Кекамена в ходе описанного происшествия выступал как «враг Романии».

Совершенно иное толкование § 73 дает Р. М. Бартикян. Это толкование, по его мнению, показывает необоснованность возражений П. Лемерля против допущения, что крепость захвачена дедом Кекамена у не-византийского «стратига». Мало того, добавим от себя, что если бы анализ этого параграфа, сделанный Р. М. Бартикяном, оказался убедительным, было бы устранено еще одно противоречие, свойственное самой концепции П. Лемерля. Французский ученый, напомним еще раз, считает Григория Выхкатци дедом Кекамена, бывшим, как он признает, при Цимисхии «врагом Романии». Но в то же время, согласно Эгрекской надписи, *другом* (а не врагом) Византии, получившим от императора титул патрикия, был уже отец Григория Смба́т Йвир. Оба эти факта, если их признать истинными одновременно, находятся в некотором противоречии, о котором, однако, П. Лемерль ничего не говорит. Но об этом противоречии помнит, по-видимому, Р. М. Бартикян и хочет его избежать.

¹⁴ В. Г. Васильевский. Советы и рассказы...—ЖМНП, ч. 215, май 1881, стр. 269—270; ч. 216, июнь 1881, стр. 105—115.

¹⁵ С е с а и м..., р. 4.

¹⁶ $\text{Τ}\iota\beta\iota\omicron\nu$ — конъектура издателей. В тексте рукописи — $\text{Τ}\omicron\beta\iota\omicron\nu$, а в заголовке к § 73 — $\text{Τ}\iota\beta\iota\nu\iota\omicron\nu$ (С е с а и м..., р. 26 et nota 21).

¹⁷ Р. L e m e r l e. Op. cit., р. 29.

¹⁸ Ibid., р. 28.

Прежде всего о первой конъектуре уважаемого арменоведа, против которой мы не имеем никаких возражений. Он предлагает Τοβίον рукописи изменить не на Τιβίον, как это сделали издатели, а на палеографически легко допустимое (x вместо β) Τοχίον как вариант Τεκῆ — Декик (или Текик), который лежал далеко на запад от Двина, между Евфратом и Чмшкацагом, в восьмом округе Четвертой Армении, и принадлежал, как это следует из памятной записи 1169 г., семье Кекавменов¹⁹. Действие анализируемого рассказа переносится к границам Византии X в., и эта конъектура ереванского ученого заслуживает, несомненно, самого серьезного внимания.

Теперь о второй конъектуре, в которой и заключено существо дела. На докладе в Тбилиси Р. М. Бартикян предлагал поставить запятую после слова ἐχθροῦ; в статье о запятой он не говорит ничего, но рассматривает τῆς Ῥωμανίας как приложение к слову τοῦ ἐχθροῦ, т. е. в сущности делает то же самое предложение, независимо от того, выражается ли оно специальным знаком препинания или особой смысловой акцентировкой при чтении текста в данном месте.

В таком случае понимание всего рассказа Кекавмена меняется в корне. Спорная фраза будет звучать так: «Если моя крепость будет снабжена хлебом самим врагом, т. е. Романией, то чего я заслуживаю?» (τίνος ἀξιός εἰμι). В соответствии со своим толкованием, Р. М. Бартикян и последние слова этой фразы («чего я заслуживаю?», «чего я достоин?») предпочитает переводить словами «à quoi suis-je bon?», т. е. «чего я стою?», «на что я?» (разумеется — годен)²⁰. Следовательно, крепость уже не византийская, а овладел ею, напротив; представитель византийской власти. Стратиг крепости, по мнению Р. М. Бартикяна, «несомненно, арабский эмир», а топарх — «византийский правитель»²¹.

Мы решительно не согласны с подобного рода конъектурой к тексту и с таким истолкованием содержания § 73. Прежде всего, о названии крепости. Оно нам неизвестно. К. Н. Юзбашян совершенно прав, говоря, что заголовок к § 73, непосредственно предшествующий рассказу²², лишь вводит в заблуждение²³. Р. М. Бартикян полагает, что крепость действительно так называлась (Τιβίνιον) и что это название нужно отличать от названия топархии деда Кекавмена (Τιβίον, Τοβίον или Τοχίον). Мы также думаем, что наименование Τοβίον (Τιβίον) относится лишь к области, а не к городу. Но мы считаем, что и в заголовке идет речь об одном и том же названии, но оно подверглось новому искажению и ошибочно приурочено автором заголовка не к области топарха, а к крепости. Было бы слишком долго доказывать здесь, что заголовки к параграфам «Стратегикона» сделаны не самим автором текста (Кекавменом). Они небрежны, неточны, часто не соответствуют озаглавливаемому тексту, а иногда даже противоречат ему. Об этом достаточно подробно и весьма убедительно сказано в «Пролегоменах» П. Лемерля²⁴.

Далее. Отметим, что употребление приложения в «Стратегиконе», подобного тому, которое усмотрел Р. М. Бартикян («враг» — «Романия»), сочвершенно несвойственно Кекавмену. Но не в этом главное. На протяжении всего сочинения Кекавмена термин «топарх» строго и неизменно используется для обозначения только независимого от империи соседнего с ее землями местного иноязычного архонта, а никак не должностного

¹⁹ Н. В а р т и к я н. Op. cit., p. 270—271; Р. М. Б а р т и к я н. К вопросу..., стр. 4.

²⁰ Н. В а р т и к я н. Op. cit., p. 269.

²¹ Ibid.

²² С е с а и м..., p. 26: 'περὶ χάστρου κεφαλῆς τοῦ Τιβινίου.

²³ К. Н. Ю з б а ш я н. Греческая надпись..., стр. 116, прим. 20.

²⁴ Р. Л е м е р л е. Op. cit., p. 9—12.

византийского лица ²⁵. Топарх Тивия (или Токия) — отнюдь не «византийский правитель». Им является, напротив, стратиг безыменной крепости — акрит. К нему в данном отрывке и обращается Кекавмен, предостерегая его от происков топарха. «Охраняй, акрит, крепости,— пишет он,— и вверенную тебе область и не доверяй соседним с тобою топархам, хотя они будут всячески утверждать, что являются твоими друзьями» ²⁶.

§ 73 находится в полном соответствии с приведенным вступлением к нему, содержание параграфа — лишь иллюстрация к мысли, высказанной во введении: «враг Романии» — соседний топарх, прикинувшись другом византийского стратига-акрита, посягает на его крепость. Конъектура Р. М. Бартияна не только излишня, она — ошибочна и приводит к серьезным искажениям всего смысла § 73 (иноземный топарх — враг Византии превращается в представителя ее власти, мало того — персонифицирует «Романию», а византийский стратиг становится иноземным врагом империи).

Возражая против традиционного понимания этого места § 73 (т. е. что топарх — враг Византии), Р. М. Бартиян приводит еще один аргумент «Как объяснить..., — пишет он, — что автор «Стратегикона», преданный империи душой и телом, мог привести воспоминание, столь неприятное? (разумеется, для ее престижа)» ²⁷. Нас это ничуть не удивляет. Кекавмен не только приводит множество фактов, оскорбительных для престижа Византийской империи, он включает в свое сочинение целый раздел, обращенный к топарху, и там дает ему советы, как избежать зависимости от Византии. Советы эти, с нашей точки зрения, прямо-таки враждебны империи. Мы имеем в виду §§ 218—227.

Так что неприятное для византийской гордости событие, описанное в § 73, — отнюдь не исключение у Кекавмена или какой-то нонсенс, требующий перетолкования или вмешательства в самый текст оригинала. Конечно, такая позиция бывшего византийского полководца представляется несколько странной. Но не забудем, что он армянин по происхождению, его дед был еще «врагом Романии», у него могли быть родственники среди армянских топархов, еще независимых от империи. И Кекавмен сохранял к этим родичам естественное чувство симпатии, хотя и подвизался на императорской службе. Сходное объяснение этого обстоятельства дает и П. Лемерль ²⁸.

Так обстоит дело и с этим аргументом Р. М. Бартияна. Лишний раз отмеченный им феномен свидетельствует о сложности византийско-армянских отношений в X—XI вв. и об особенностях умонастроения армянских архонтов, несших службу императору. Как бы ни было трудно объяснить этот феномен, мы не можем, на наш взгляд, вносить ради его разгадки поспешные конъектуры в источник.

Наконец, последнее. Мы не согласны с переводом выражения $\tau\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma \acute{\alpha}\xi\iota\omicron\varsigma \epsilon\iota\mu\iota$; Р. М. Бартиян полагает, что в этом восклицании стратига крепости отразилось чувство досады и сокрушения: сколь, мол, велико было бы мое (стратига) падение, если бы дело дошло до того, что враг (!) снабжает меня продовольствием («На что я годен?» «Чего я стою?»). Напротив, по нашему мнению, и из контекста и из того, что было сказано выше, с очевидной ясностью следует, что стратиг, восклицая $\tau\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma \acute{\alpha}\xi\iota\omicron\varsigma \epsilon\iota\mu\iota$, имел в виду награды, почести и титулы, которые он удостоился бы получить от императора, если бы счастливо окончился его маневр, если бы стратигу удалось за счет враждебного империи топарха, прикинувшегося другом,

²⁵ Такой же вывод из наблюдений над термином «топарх» в других источниках делает и М. Г. Ныставопулос (M. G. Nystazopoulos. Note sur L'Anonyme de Nisee improprement appelé Toparque de Gothie.— ВСН, 86, 1962, p. 319—326).

²⁶ С е с а и м..., p. 26. 10—12.

²⁷ Н. B a r t i k i a n. Op. cit., p. 269.

²⁸ P. L e m e r l e. Op. cit., p. 82.

снабдить хлебом византийскую крепость. Кекавмен всюду перевозит военную хитрость, и в данном случае действия стратига, если бы он был достаточно осмотрительным, заслуживали бы также всяческой похвалы («он получил бы хлеб как прибыль» и «не имел бы забот»).

Безусловно, тот интерес к сочинению Кекавмена, который проявляется ныне в историографии, приведет историков к новым наблюдениям и выводам. Споры при этом неизбежны, но только в них и выявляется истина.

Р. S. Данная заметка уже находилась в печати, когда мы получили возможность²⁹ прочесть новую статью П. Лемерля³⁰, являющуюся, как и настоящие строки, откликом на статью Бартияна. Прочтя новую работу Лемерля, мы не можем скрыть своего удивления. Казалось бы, после опубликования статьи Р. М. Бартияна та осторожность и гипотетичность, с которой П. Лемерль подходил к вопросу об идентификации персонажей Эгрекской надписи с Кекавменами, должна была возрасти вдвое. Имеет же место обратное — французский византист говорит теперь почти с абсолютной уверенностью о тождестве Вихкатци (Вхкаци) и Кекавмена-деда.

В своих возражениях Р. М. Бартияну П. Лемерль вначале отмечает, что возможность грамматического и этимологического сближения патронимов Кихатци и Кекавменов еще не исчерпаны (на наш взгляд, напротив, Р. М. Бартиян показал, что нужно предпочесть непосредственно с надписи скопированное *Κηχάτζι*, а не ученую поправку Броссе — *Κηχάτζι*. Сам П. Лемерль признавал в своих «Пролегоменах», что в случае предпочтения формы *Κηχάτζι* арменовед Г. Гаритт отказывается сближать ее с арм. причастием *kizaci* — *brulé* — *χεκαυμένος*).

Отметив это, П. Лемерль тем не менее присоединяется к выводу Р. М. Бартияна, что написание *Κηχάτζι* следует исправить на *Βηχάτζι*. Французский ученый пишет: «Поскольку для меня несомненно (а я думаю, что то же самое допускает и Р. Бартиян), что нужно продолжать связывать два этих источника, из которых один (надпись) говорит о патрикии Григории, стратиге Лариссы и Македонии, а другой («Советы и рассказы» Кекавмена. — Г. Л.) представляет деда автора, также носящего имя Григорий, стратигом Эллады с резиденцией в Лариссе (причем оба приходятся на один и тот же период), можно предположить, что это та ветвь семьи, которая одно время в неизвестных еще обстоятельствах поменяла армянский патроним Вхкаци на греческий патроним *Κεκαυμένος*, причем и тот и другой могли некоторое время сосуществовать». Впрочем, тут же П. Лемерль продолжает: «Меня, однако, удивляет, что византийские хронисты их (Вхкаци. — Г. Л.) не знали или о них не говорили»³¹.

Итак, из всей системы доказательств, краеугольным камнем которой, напомним, было этимологическое сближение арм. *kizaci* (*Κηχάτζι*) с греч. *χεκαυμένος* (*brulé*), П. Лемерль подчеркивает два аргумента: 1. И Григорий Вхкаци и Григорий Кекавмен-дед носят один и тот же преном; 2. Оба были стратигами Лариссы в один и тот же период. Один из этих аргументов просто ошибочен, второй слишком слаб. 1. П. Лемерль, отдавший изучению сочинения Кекавмена столь много времени, странным образом повторяет ошибку Р. М. Бартияна, что Кекавмен-дед носил имя Григория (см. выше стр. 153 прим. 11) — мы этого имени не знаем; 2. Повторяем, с 976 г., когда Кекавмен-дед стал стратигом Лариссы, по 1007 г., когда была сделана надпись Григория Вхкаци, прошло 30 лет, и пост стратига Лариссы за этот период мог занимать не один армянин-халкидонит.

²⁹ Приносим благодарность С. Т. Еремян, приславшему нам из Еревана третий том «Revue des Etudes arméniennes», еще не поступивший в библиотеки Москвы.

³⁰ P. L e m e r l e. Nouvelles remarques sur la famille Vichkatzi-Kékauménos. — «Revue des Etudes arméniennes». N. S., t. III. Paris, 1966, p. 177—183.

³¹ Ibid., p. 180.

Можно было бы добавить еще один аргумент, пропущенный П. Лемерлем: и Вихкатци, и Кекавмены (как показал Р. М. Бартикян) происходили из области Тайк. Но и Бакурианы, и Торники происходили оттуда же. Не должны же мы на этом основании объявлять их всех родственниками.

Мы остаемся при убеждении, что исследование Р. М. Бартикяна об Эгресской надписи не подкрепляет, а ослабляет гипотезу об идентичности Кекавмена-деда с Григорием Вихкатци.

Читая статью П. Лемерля, мы тем не менее с удовлетворением констатировали совпадение наших взглядов на конъектуру Р. М. Бартикяна, превращающую слово τῆς Ῥομανίας в приложение к слову ἐχθροῦ. Совершенно согласны мы с П. Лемерлем и в том, что τιβητιῶν заголовка и пинакса на самом деле не является подлинным названием крепости, захваченной топархом, а явилось результатом плохого понимания текста автором заголовков, который дал крепости имя топархии Кекавмена-деда, допустив при этом новое искажение этого имени.

Что касается конъектуры Р. М. Бартикяна: Τοχίου вместо Τοβίου, которую П. Лемерль считает неубедительной, мы по-прежнему признаем ее интересной и заслуживающей дальнейшего изучения.

Последнее замечание, требующее, на наш взгляд, у сторонников идентификации Вихкатци — Кекавмен объяснения: Василий II был неплохим политиком. Присоединив Тайк в 1001 г., он назначил туда, пишет П. Лемерль ³², преданных себе правителей из числа армян, подвизавшихся на византийской службе, — эти армяне были ближе местному населению, чем сановные греки. Вполне возможно. Но вряд ли было разумно при таких обстоятельствах понижать Григория Вихкатци в должности, рассчитывая на его усердие: ведь он и в Армении не мог забыть, что некогда занимал пост стратига в Лариссе...

³² P. L e m e r l e. Prolégomènes..., p. 33.